

*Н.П. Свистунова**

**Понятие *бао гу* 保辜 в кодексах
традиционного китайского права**

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается одно из ключевых понятий традиционного китайского права, игравшего существенную роль в процессе установления вины и определения тяжести наказания за совершённое преступление, а также на основе лингвистического и юридического анализа выясняется его реальное содержание.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: право, кодекс, преступление, наказание, династия Тан, династия Мин, династия Цин.

Важнейшими источниками для написания настоящей статьи послужили полностью сохранившиеся до нашего времени кодексы Танской (618–907), Минской (1368–1644) и Цинской (1644–1911) династий, выпущенные в свет соответственно в 653, 1397 и 1647 г. Обращение к данной теме обусловлено неодинаковой интерпретацией понятия *бао гу* 保辜 разными переводчиками упомянутых кодексов на европейские языки, а также составителями различных китайских и иноязычных словарей. Поскольку ранние кодексы не сохранились, то мы не можем установить ни времени возникновения интересующего нас понятия, ни возможного изменения его значения на протяжении нескольких веков, предшествовавших созданию империи Тан. В рассматриваемых нами памятниках *бао гу* употребляется в тексте трёх аналогичных статей, а также выступает в их наименованиях. При этом в заголовке статьи танского кодекса оно использовано само по

* Свистунова Наталья Павловна, канд. ист. наук, отдел Китая, ФГБУН Институт востоковедения РАН (Москва, Россия).

© Свистунова Н.П., 2015

себе, а в двух других — в качестве составной части выражения *бао гу сяньци* 保辜限期¹.

Чтобы при дальнейшем чтении данной статьи у читателя не создалось мнения о предвзятости некоторых наших высказываний, и он мог составить собственное представление на сей счёт, мы приведём все значения иероглифов и слова, входящих в выражение *бао гу сяньци*, на основании «Большого китайско-русского словаря».

Итак, согласно этому труду, они означают:

Бао

«I. гл.

- 1) защищать, охранять, предохранять;
- 2) сохранять, владеть, удерживать;
- 3) обеспечивать, гарантировать, ручаться, отвечать за, брать ответственность;
- 4) поддерживать, покровительствовать, протезировать, рекомендовать, представлять, выдвигать;
- 5) выпускать под залог;
- 6) страховать;
- 7) содержать, поддерживать, кормить, воспитывать;

II. суц.

- 1) поручительство, гарантия, залог;
- 2) поручитель, рекомендуемое лицо;
- 3) наёмный работник с рекомендацией (поручительством);
- 4) *ист.* бао (единица организации по системе круговой поруки, также единица ополчения при дин. Сун»

[12, т. 3, с.711, № 8921].

Гу

«I. суц.

- 1) вина, преступление;

II. гл.

- 1) не оправдывать [доверия], обманывать [ожидания]»

[12, т. 2, с. 853, № 3980].

¹ Упомянутые статьи читатель найдёт в любом издании перечисленных кодексов. Они находятся соответственно в главах 21, 20 и 27. Однако следует иметь в виду, что не во всех публикациях танского кодекса законодательные статьи снабжены заголовками. Так, например, они присутствуют лишь в одном из двух его выпусков, которыми мы располагаем (см. [3, т. 1–8]), тогда как в другом их нет (см. [4, т. 1–4]).

Сяньци «1) определённое (ограниченное) время, срок;
2) поставить срок, установить дату» [12, т. 3, с. 907]².

Помимо приведённых слов в «Большом китайско-русском словаре» присутствуют две словарные статьи, имеющие непосредственное отношение к рассматриваемой нами теме. В одной из них говорится: «Бао-гу — *уст.* отсрочить установление вины (*преступника, напр. до выяснения последствий ранения пострадавшего*)» [12, т. 3, с. 712], в другой сообщается: «Баогусянь — *уст. юр.* гарантированный срок определения вины (тяжести преступления: *напр., при нанесении ранений*)» [12, т. 3, с. 712].

К сожалению, по поводу процитированных словарных статей следует высказать несколько критических замечаний. Прежде всего, первая статья по форме и содержанию представляет собой, строго говоря, не перевод, а довольно свободную интерпретацию знакосочетания *бао гу*. Дело в том, что иероглиф *бао* передан в ней глаголом «отсрочить», который не только имплицитно не присутствует в гнездовой статье данного знака, но и не может быть выведен ни из одного присущих ей значений. Затем, введённое в обе статьи слово «определение», поскольку его нет в китайском оригинале, следовало бы, как это общепринято, взять в квадратные скобки. Далее, выражение «гарантийный срок определения вины» (довольно странное с точки зрения русского языка) не соответствует ни духу, ни букве кодексов традиционного китайского права. В них говорится об «установленном (*var.*: назначенном, определённом) сроке». И последнее, пометка *юр.*, т.е. «юридический термин» (см. [12, т. 1, с. 18, «Список сокращений»]) является абсолютно неправомерной, ибо ни в одной из трёх законодательных статей, упомянутых в начале нашей работы, а также в комментариях к ним такого термина не содержится, нет его и в специальном юридическом словаре (см. [11, т. 1, с. 853, 854, ст. *Бао гу, Бао гу сяньци*]).

В дополнение к сказанному рассмотрим ещё два любопытных момента, относящихся к процитированным словарным статьям. При взгляде на оригинальную (иероглифическую) запись их текста — *бао гу* 保辜 и *бао гу сянь* 保辜限 видно, что они различаются лишь одним элементом — словом «сянь (срок)». Начальные же элементы

² Мы не включили в приведённый перечень значений, помеченных звёздочкой, поскольку они «принадлежат древнекитайскому языку (не позднее III в.)» [12, т. 1, с. 19].

в них не только полностью совпадают, но и являются, как свидетельствуют законодательные кодексы и известные китайские словари, устойчивым словосочетанием (см. ст. *Бао гу* в [3, т. 6, гл. 21; 6, т. 1, с. 1393; 7, т. 1, раздел *Цзы*, с. 133; 9, раздел *Цзы*, с. 120; 10, т. 1, с. 217; 11, т. 1, с. 853] и ст. *Бао гу сяньци* в [1, т. 9, гл. 20; 2, т. 2, гл. 27; 11, т. 1, с. 853, 854]). Однако открывающий его один и тот же знак *бао* переведён разными, не имеющими ничего общего словами: в первой статье глаголом «отсрочить», во второй — прилагательным «гарантийный». Между тем, если автор процитированных статей³ был уверен в правильности интерпретации *бао* как «отсрочить», он должен был распространить данное значение и на вторую статью, которая приобрела бы следующий вид: «Отсрочка времени (букв.: срока) определения вины». Отмеченная несогласованность перевода тождественных слов в тождественных же словосочетаниях вызывает серьёзные сомнения в правильности прочтения китайского текста автором рассмотренных словарных статей.

Это ощущение усиливается при внимательном ознакомлении с транскрипцией процитированных статей. В первой из них интересующее нас понятие записано через дефис, а именно *бао-гу*. Такой способ записи по правилам пользования «Большим китайско-русским словарём» должен использоваться «в случае сомнений означает ли сочетание иероглифов слово или сочетание слов» [12, т. 1, с. 16]. Однако если обратиться к переводу статьи на русском, то никаких колебаний на сей счёт не обнаруживается, поскольку *бао гу* в нём совершенно чётко предстаёт как словосочетание. Во второй статье *бао гу* фигурирует в качестве составной части транскрибируемой слитно конструкции *баогусянь*, т.е. по упомянутым правилам пользования словарем является одним словом (см. [12, т. 1, с. 16]). На каком основании произошла метаморфоза трёх отдельных слов (либо, как следует из транскрипции предыдущей статьи, то ли слова, то ли словосочетания и самостоятельного слова, ибо *сянь*, безусловно, является самостоятельным словом) в слог нового слова, совершенно

³ Мы полагаем, что автором обеих словарных статей *Бао-гу* и *Баогусянь*, а скорее всего и гнездовой статьи иероглифа *бао*, был один и тот же человек, так как привлечение к написанию близких по содержанию статей разных лиц было бы слишком нерациональным и не способствовало бы поддержанию нормальных рабочих отношений в нашей обидчивой научной среде. Однако мы не можем подтвердить наше предположение, поскольку основной костяк составителей и редакторов «Большого китайско-русского словаря», к сожалению, ушёл из жизни и не может поделиться с нами своими воспоминаниями.

непонятно, если конечно не предположить, что она потребовалась для придания конструкции *баогусянь* терминообразного вида.

В свете изложенных материалов из «Большого китайско-русского словаря» вполне естественно особый интерес приобретают сведения о *бао гу*, имеющиеся в китайских лексикографических трудах. Поэтому обратимся к наиболее известным и авторитетным словарям, содержащим не только древнюю, но и более позднюю лексику, *Цы юаню* («Источнику слов») и *Цы хаю* («Морю слов»).

В одноимённом *Цы юане*, выпущенном в свет в 1947 г., помещены две статьи: *Бао гу* и *Бао гу сянь*. Мы приведём только первую из них, так как лишь она имеет существенное значение для исследуемой нами темы. «[Что касается] *бао* и *гу*, — говорится в ней, — то *бао* — это *ян* (養), *гу* — это *цзуй* (罪). *Бао гу* во всех случаях соответствовало лёгкости и тяжести/характеру [конкретных] обстоятельств (狀 *чжунан* [12, т. 3, с. 649, № 8535]). Приказывали нанёсшему поби в течение [определённого] количества дней *бао* потерпевшего. [Если тот] в течение [этого] срока умирал, то выносили обвинительный приговор (坐 *цзо*) [за] тяжкое (重 *чжун*) *гу*» [9, раздел *Цзы*, с. 120, ст. *Бао гу*].

Чтобы не исказить авторского смысла приведённого текста, передадим оставленные в транскрипции слова с помощью только тех их значений, которые даются в самом *Цы юане*. Информация о *ян*, прямо связанная с интересующим нас понятием, имеется уже в гнездовой статье знака *бао*. Согласно ей, одним из его значений являлось слово *ян*, которое в данном случае было равнозначно знакосочетанию *тяо-ху* 調護 (см. [9, раздел *Цзы*, ст. *Бао*, с. 120]). Последнее в посвящённой ему статье толкуется как *тяохэ эр вэйху* 調和而維護 (см. [9, раздел *Ю*, с. 22]). Данную интерпретацию без всякой натяжки применительно к ситуации, описанной в статье *Бао гу*, можно передать на русский такими словами: «лечить [пострадавшего] и оберегать [его] здоровье». Кстати, в «Большом китайско-русском словаре» *тяоху* переводится как «ухаживать (за больным)» и как «следить за своим самочувствием» [12, т. 3, с. 271]. С нашей точки зрения, в последнем случае лучше было бы «заботиться о своём здоровье» или «беречь своё здоровье».

Для иероглифа *цзуй* в *Цы юане* приводятся всего два значения: «нарушение закона», что вне всякого сомнения можно трактовать как «преступление», и «обвинять, перекладывать вину (на кого-л) *гуй цзю* 歸咎» [9, раздел *Вэй*, с. 63, ст. *Цзуй*], см. также [12, т. 3, с. 302, ст. *Гуй цзю*].

Если теперь оставленные в транскрипции слова заменить приведёнными разъяснениями, то *цьюаневский* текст о *бао гу* приобретёт следующий вид: «*Бао* — это лечение пострадавшего/избитого, *гу* —

это преступление. Лечение [вследствие] преступления во всех случаях соответствовало характеру [конкретных] обстоятельств. Приказывали нанёшему побой в течение [определённого количества дней] лечить потерпевшего. [Если тот] в течение [этого] срока умирал, то выносили обвинительный приговор за тяжкое преступление». Что касается формулировки «тяжкое преступление (*чжун цзуй/чжун гу* 重罪/重辜)», то в традиционном китайском праве она употреблялась ещё в одном смысле: «преступление, караемое смертью» [12, т. 2, с. 216; 6, т. 10, с. 93, ст. *Чжун цзуй* (второе значение), с. 390, ст. *Чжун гу*]. При приложении этих определений к ситуации наступления летального исхода из-за телесных повреждений, полученных в результате побоев, несколько расплывчатое «тяжкое преступление», по-видимому, довольно легко трансформировалось в более конкретное «убийство в драке», ибо только оно из всех многочисленных случаев причинения ущерба здоровью человека в результате драки требовало применения капитального наказания (см. соответствующие статьи в 21, 20 и 27 главе танского, минского и цинского кодексов).

В новой версии *Цы юаня*, опубликованной в 1979 г., статья о *бао гу* претерпела существенные изменения. В ней говорится: «*Бао гу* — установление (*зуйдин* 規定 [12, т. 4, с. 463; 13, с. 706]) старых уголовных кодексов. Во всех случаях при избииении человека до телесных повреждений власти устанавливали срок и требовали, чтобы обвиняемый/ответчик лечил (*чжиляо* 治療 [12, т. 2, с. 539]) раненого. Если раненый в течение [этого] срока умирал из-за телесных повреждений, то [ответчика] судили за преступление, караемое смертной казнью (*сы цзуй* 死罪), если не умирал, судили за причинение телесных повреждений человеку. [Это и] называлось *бао гу*» [10, т. 1, с. 217, ст. *Бао гу*].

В результате исключения из приведённого текста лексикологического толкования иероглифов *бао* и *гу* (наличие которого в предыдущем варианте, к сожалению, никак не способствовало уяснению их смысловой связи) и замены многозначного *ян* обыденным *чжиляо* событийная, но не правовая, сторона явления, стоявшего за выражением *бао гу*, по-видимому, стала более понятной широкому читателю. И, очевидно, именно данное обстоятельство привело к тому, что такое описание *бао гу* прочно утвердилось в китайской лексикографической литературе. Однако начало данному процессу было положено составителями не *Цы юаня*, а *Цы хая*.

Так, например, во втором издании последнего, вышедшем из печати в 1940 году, относительно *бао гу* говорилось: «Старыми уголовными кодексами при нанесении человеку телесных повреждений избииением соответствующие власти устанавливали срок его лечения.

Летальный исход в течение [этого] срока считался наступлением смерти из-за телесных повреждений и карался суровым наказанием (*чжи чжун цзуй* 治重罪). [Если] в течение [установленного] срока [пострадавший] не умирал, наказание (*цзуй* 罪) можно было смягчить. Это называлось *бао гу*. Установленный срок назывался *бао гу сянь*» [7, т. 1, раздел *Цзы*, с. 133, ст. *Бао гу*].

На первый взгляд кажется, что данный текст практически не отличается от приведённой выше второй статьи из *Цы юаня*. Их сближает отсутствие толкования знаков *бао* и *гу* и фактически одинаковое описание событийной стороны интересующего нас понятия. Однако при более внимательном рассмотрении выясняется, что между ними имеется существенное различие и заключается оно в неодинаковом понимании значения иероглифа *цзуй*. Дело в том, что ему присущи два значения: «преступление» и «наказание», и данное обстоятельство чётко зафиксировано не только словарями, но и письменными, в том числе законодательными, памятниками. В результате указанной двойственности выражение *чжи чжун цзуй* 治重罪 может означать (и переводиться на другие языки) как «наказать за тяжкое преступление» и как «карать суровым наказанием».

Вне всякого сомнения, первой точки зрения придерживались составители *Цы юаня*. Об этом убедительно свидетельствует их толкование иероглифа *цзуй* в приведённой выше первой статье о *бао гу*, от которого они, судя по последующим изданиям, не отказались и в дальнейшем. У авторов же *Цы хая* на сей счёт было иное мнение. Это утверждение вытекает из контекста только что процитированной статьи, хотя она и не содержит какой-либо интерпретации указанного иероглифа, но ведь смягчить (облегчить, уменьшить) можно было только наказание, а отнюдь не преступление.

Поскольку другие наиболее полные и известные китайские словари (см., например, *Хань-юй да цыдянь* — «Большой словарь слов китайского языка» или *Фалюй да цышу* — «Большой юридический словарь») не содержат каких-либо новых сведений о *бао гу* по сравнению с уже изложенными выше, то мы оставим их в стороне и подведём краткий итог представленного обзора. Отсутствие в словарях единого общепринятого, а чаще вообще какого бы то ни было толкования понятия *бао гу* не позволяет составить бесспорное представление о его смысловом значении. Поэтому в поисках ответа на этот вопрос обратимся к первоисточникам: упомянутым выше статьям из танского, минского и цинского кодексов. Поскольку цинская статья текстуально почти на три четверти совпадает с минской, охватывая при этом и занимающую нас проблему, то мы ограничимся рассмотрением только танской и минской статей. И начнём, естественно, с первой, однако

приведем её не целиком, а лишь ту её часть (несколько больше половины всего объёма), которая имеет прямое отношение к теме нашей работы. Вот как выглядит перевод указанной статьи в исполнении петербургского сиолога В.М. Рыбакова.

«Сохранение ответственности [за последствия]

Всякий раз когда сохраняется ответственность [за последствия] (*бао гу*)⁴ при избиении или нанесении телесных повреждений руками или ногами [срок сохранения] {ограничивается} 10 днями⁵, при избиении или нанесении человеку телесных повреждений с использованием постороннего предмета — 20 днями, при нанесении человеку телесного повреждения колющим или режущим {военным} снаряжением⁶ либо кипятком или огнём — 30 днями, при переломе либо выворачивании конечностей тела или повреждении кости — 50 днями.

⁴ Поскольку ни в оригинальном тексте статьи, ни в её переводе нет каких-либо пояснений относительно выражения *бао гу*, то, судя по построению русской фразы, следует полагать, что В.М. Рыбаков понимает и переводит иероглиф *бао* как «сохранение», а знак *гу* как «ответственность».

⁵ Данная и все аналогичные фразы ниже подчеркнуты нами, при этом приводится их иероглифическая запись (здесь: «*сянь ши жи* 限十日 — срок 10 дней») и даётся их перевод.

Кроме того тут и далее в фигурные скобки нами заключены слова и выражения, отсутствующие в оригинале и добавленные переводчиком.

⁶ Подчеркнутая часть фразы в оригинале выражена всего двумя иероглифами *и жэнь* 以刃. Последний знак имеет словарные значения «остриё, лезвие, нож, клинок, меч» [12, т. 3, с. 412, № 7121] и вместе с предшествующим ему служебным словом *и* (которое в этой фразе относится также к кипятку и огню) может быть переведён «колющим или режущим [предметом]». На первый взгляд вариант В.М. Рыбакова и наш почти идентичны, однако, это не совсем так. Слово «военное» в его версии, возможно, появилось в связи с тем, что в законе, предшествующем рассматриваемой статье, речь идёт об убийстве человека в драке холодным оружием *бин жэнь* 兵刃 (согласно «Большому китайско-русскому словарю», *бин жэнь* означает «кинжики, холодное оружие» [12, т. 4, с. 628]). В.М. Рыбаков, видимо, посчитал, что оно же фигурирует и в соседнем тексте. Однако, если принять во внимание толкование *жэнь*, находящееся в «разъяснении» к рассматриваемой статье, то более обоснованной представляется другая точка зрения. Законодатели, скорее всего, сознательно не воспользовались определением *бин*, придав тем самым *жэнь* расширительное значение, поскольку убить, а тем более покалечить человека можно было не только оружием, но и кухонным ножом и даже обычным гвоздём, а их к военному снаряжению никак не отнесёшь. Кстати, здесь и в некоторых других случаях по-русски более правильно было бы использовать слово «оружие», а не «снаряжение».

Не обязательно, чтобы разом наличествовали и избиение, и нанесение телесных повреждений. [При совершении преступлений, рассматриваемых в остальных статьях], {в случаях} избиения или нанесения телесного повреждения, а также убийства или нанесения телесного повреждения {соответственно} каждому {данному случаю} [действуют] сообразно с настоящим [предписанием]⁷.

Разъяснение⁸. При любом нанесении телесного повреждения⁹ всегда устанавливается {предельный} [срок] ответственности¹⁰. {Если} человек был избит руками и ногами, безразлично, было ли нанесено ему телесное повреждение, или не было, [срок] {ограничивается} 10 днями. Если было совершено избиение или нанесение телесного повреждения с использованием постороннего предмета, [срок] {ограничивается} 20 днями¹¹. Если было использовано колющее или режущее [орудие] — имеется в виду бронзовое или железное¹², безразлич-

⁷ Этот пассаж, начинающийся выражением «не обязательно», словесно никак не отделён от текста собственно статьи и как бы является её интегральной частью. В действительности же он представляет собой разновидность комментария, принадлежит кисти самих составителей закона и в «Разъяснении» именуется *чжу* 注.

Визуально в корпусе кодекса такие комментарии выделяются очень чётко, поскольку во всех его изданиях в отличие от прочих текстов (законодательных статей и разъяснений) они напечатаны либо значительно более мелкими иероглифами, либо в добавок к этому ещё и по две строчки, вместо обычной одной, в каждой нормальной вертикальной строке.

⁸ Словами «разъяснение/разъяснения» В.М. Рыбаков переводит сочетание *шу и* 疏議, буквально означающее «разъяснение(я)/комментарий(и), изложенный(е) по пунктам» (значения входящих в него иероглифов см. [12, т. 4, с. 521–522, № 3108, с. 222, № 1158]). Оно является составной частью названия танского кодекса, а также наименованием включённого в него обширного комментария, тоже написанного самими авторами законов.

⁹ В оригинале сказано: «При любом избиении (*оу* 毆)», а не телесном повреждении (см. [4, т. 3, с. 85]).

¹⁰ Подчёркнуто нами. В оригинале это выражение записано знаками *гу сянь* 辜限. К его значению мы вернёмся позже.

¹¹ В оригинале: *сянь эрши жи* 限二十日 — «срок 20 дней».

¹² В оригинале подчёркнутая часть фразы имеет следующий вид: «*и жэнь жэнь вэй цзинь те* 以刃刃謂金鋏 — было употреблено остриё, [под] остриём имеется в виду металлическое [остриё]» [4, т. 3, с. 85]. Отсюда следуют два вывода. Первый. Авторы «Разъяснения» указывали, что в составленной ими статье речь идёт о любом металлическом предмете, представляющем угрозу для здоровья (а с учётом их же комментария и жизни) человека (см. примеч. 6 и относящийся к нему текст перевода). Второй. Перевод иероглифа *цзинь* словом «медь» не корректен, ибо он не имеет

но, большое или маленькое, либо телесное повреждение человеку было нанесено кипятком или огнём — имеется в виду что была обожжена кожа, [срок] {ограничивается} 30 днями¹³. Если была сломана или вывернута конечность тела либо повреждена кость — безразлично было ли это сделано руками, ногами или посторонним предметом, всегда [срок] {ограничивается} 50 днями.

В комментарии сказано: не обязательно, чтобы разом наличествовали и избиение, и нанесение телесного повреждения. Имеется в виду, что и при избиении, и при нанесении телесного повреждения, и в том и в другом случае ответственность [за последствия] сохраняется 10 дней. Обычно нанесение человеку телесного повреждения является следствием нанесения побоев. В теперешнем случае говорится, что не обязательно, чтобы разом наличествовало [и то и другое], поскольку ниже будут упоминаться телесные повреждения, полученные при падении или испуге. Следовательно, телесное повреждение и физический ущерб могут и не быть следствием нанесения побоев. Поэтому в уголовных установлениях сказано¹⁴: не обязательно, чтобы разом наличествовали и избиение, и нанесение телесного повреждения.

[При совершении преступлений, рассматриваемых] в остальных статьях, {в случаях} избиения или нанесения телесного повреждения, а также убийства или нанесения телесного повреждения {соответственно} каждому {данному случаю} [действуют] сообразно с настоящим [предписанием]. Имеются в виду все статьи об избиении людей и нанесении людям телесных повреждений. Преднамеренно

такого значения (см. [5, т. 6, с. 4167–4168, ст. Цзинь, 20 значений; 12, т. 2, с. 180, № 588, ст. Цзинь]).

Вместе же с непривычно начертанным знаком *те* 鐵 («железо, чёрный металл, железный, металлический и др.» [12, т. 4, с. 238, № 11661] см. также [12, т. 3, с. 695, № 8817]) он составляет одно слово и означает просто «металлический». Вполне возможно, что в драках случалось применение медного «военного снаряжения» и каких-то «медных [орудий]», но при отсутствии прямых свидетельств в кодексе, это надо доказывать на основании серьёзных письменных источников либо высказывать в форме предположения.

¹³ В оригинале: *сянь саньши жи* 限三十日 — «срок 30 дней».

¹⁴ В иероглифической записи читаем: «*гу люй юнь* 故律云», что означает — «поэтому в законе сказано». Если внимательно прочитать «Разъяснение», то становится очевидно, что подчёркнутая фраза — это не что иное, как всего лишь цитата из комментария к разъясняемой авторами кодекса статье. Однако в данном случае они по каким-то соображениям (может быть стилистическим?) почему-то не употребили слова «комментарий» (как в первой фразе того же самого пассажа), а написали «закон».

или в драке [было совершено преступление], при умысле убийства или при грабеже — {всегда когда} полагается наказание, [срок] сохранения ответственности [за последствия [определяется]]¹⁵ сообразно с настоящим {предписанием}» [17, т. 3, с. 161, 162].

Подведём некоторые итоги.

Во-первых, из ознакомления с оригинальным текстом приведённой статьи явствует, что ключевая роль в ней принадлежит выражению *бао гу*, и от точности его интерпретации зависит правильное понимание рассматриваемого закона. Однако, несмотря на очевидность этого факта, все три компонента статьи (её краткий текст, ещё более краткий официальный комментарий к ней, а также довольно обширное и многословное, но совершенно ничего не разъясняющее «Разъяснение» к ней) не содержат ни прямых, ни косвенных указаний, которые позволили бы уяснить суть выражения *бао гу* и верно передать её на русский язык.

Во-вторых, перевод рассматриваемой статьи В.М. Рыбаковым представляет несомненный интерес, как с филологической, так и юридической точки зрения. Переводчик, как и авторы танского кодекса, тоже не счёл необходимым растолковать смысл занимающего нас выражения или обосновать свой выбор значений иероглифов, входящих в его состав, хотя это было бы весьма уместно, поскольку предложенный им вариант перевода полностью отличается от версии «Большого китайско-русского словаря». И как бы не хотелось поверить В.М. Рыбакову, что *бао гу* означает «сохранение ответственности [за последствия]», к сожалению, имеется один момент, противодействующий этому желанию. Дело в том, что из 11 значений иероглифа *гу*, приведённых в *Хань-юй да цзыдянь*, нет ни одного, которое можно было бы истолковать как «ответственность» (см. [5, т. 6, с. 4036, 4037, ст. Гу], см. также [6, т. 11, с. 480, 481, ст. Гу; 12, т. 2, с. 853, № 3980, ст. Гу])¹⁶. Более того контекст статьи не позволяет

¹⁵ В подчёркнутой части фразы имеется опечатка в виде лишней квадратной скобки, по-видимому, допущенная при наборе и незамеченная при чтении корректорских листов.

¹⁶ Мы приведём эти значения по «Большому китайско-русскому словарю»: 1) (здесь и далее цифра со скобкой означает номер значения рассматриваемого в примечании иероглифа) *цзуй*, *цзуйго* 罪, 罪過 — «преступление, вина» [12, т. 2, с. 968, № 4583]; 2) *чжи цзе* 肢解 — «отсечь/раздробить конечности» [12, т. 3, с. 1021, № 10204, т. 2, с. 871, № 4075], *фэнь ле чжи ти* 分裂肢體 — «раздробить конечности и туловище» [12, т. 3, с. 407, 1021]; 3) *цзя цзуй* 加罪 — «отягчать вину» [12, т. 2, с. 413], *чэнчу* 懲處 — «наказывать, налагать взыскание» [12, т. 4, с. 890]; 4) *хохай* 禍害 — «сломать, испортить, вредить» [12, т. 3, с. 287], *цзайнань* 災難 — «бедствие, катастрофа» [12, т. 3, с. 804]; 5) *хай* 害 —

даже предположить вероятность существования ещё какого-то значения, не учтённого указанными уважаемыми словарями, поскольку в нём присутствует только одно и тоже сочетание знаков *бао* и *гу*. В результате возникает серьёзное сомнение в правильности понимания переводчиком выражения *бао гу*, а следовательно и всей статьи в целом. Это ощущение усиливается странной формой передачи на русский язык слова *сянь* — «срок». Несмотря на многократное и зримое присутствие *сянь* в тексте оригинала, В.М. Рыбаков всё время берёт его в квадратные скобки (т.е. представляет отсутствующим в первоисточнике и добавленным от себя), а вместо него вписывает несуществующее в нём слово «ограничивается».

Ещё одним примером искажения текста памятника, связанным со знаком *сянь*, является перевод грамматически элементарной фразы *фань ши оу жэнь цзе ли гу сянь 凡是毆人皆立辜限* — во всех случаях (*фань*) избияния (*ши оу*) человека (*жэнь*) всегда устанавливается (*цзе ли*) срок (*сянь*) [для] *гу*». Совершенно ясно, что *сянь* со своим определением *гу* является здесь дополнением глагола *ли*. Однако В.М. Рыбаков как всегда заключает его в квадратные скобки, а привычное «ограничивается», не вписывающееся в данном случае в предлагаемый им русский текст, заменяет не имеющимся в подлиннике прилагательным «предельный» и переводит: «При любом (*фань*) нанесении телесных повреждений (в подлиннике „избияние“, но здесь это, видимо, просто описка) всегда устанавливается предельный [срок] ответственности». Описанное отношение В.М. Рыбакова к слову «срок», играющему важную роль в разных отраслях права, в данном случае, с нашей точки зрения, связано с ошибочной интерпретацией значения сочетаний *бао гу* и *бао гу сянь/сяньци* возможно под

«вред, ущерб, беда, вредить, увечить» [12, т. 2, с. 501, № 2165]; 6) *дуйбучжу* 對不住 — «обидеть, быть виновным, оказаться недостойным» [12, т. 3, с. 20], *гуфу* 辜負 — «обмануть ожидания, подвести» [12, т. 2, с. 853]; 7) *гу*, *гудин* 固, 固定 — «крепкий, прочный, неизменный» [12, т. 2, с. 671, № 3007], «прочно установить, наглухо закрепить» и др. [12, т. 2, с. 672]; 8) *гу* 故 — «повод, причина, предлог» [12, т. 3, с. 1061, № 10581], *гуоань* 故緣 — «причина, повод, основание» [12, т. 3, с. 844, 1061]; 9) *ку* 苦 — «горький, несчастный, нищий» [12, т. 2, с. 490, № 2120], *куньку* 困苦 — «жить в нужде, страдать, тяготы, лишения» [12, т. 2, с. 681]; 10) название 11 лунного месяца; 11) фамилия Гу. В *Хань-юй да цыдянь* приводится 10 значений данного иероглифа (см. [6, т. 11, с. 480, 481, ст. Гу]). Среди них нет слов *хай* и *ку*, *куньку* (№ 5 и 9 в вышеприведённом списке), но добавлено значение *чоу*, *чоухэнь* 仇, 仇恨 — «ненависть, вражда, злоба, ненавидеть» [12, т. 4, с. 578, № 13388, с. 579], и кроме того *чжи цзе* (в № 2) заменено на *чжэ* 磔 — «казнить разрыванием (телегами или быками), публично четвертовать» [12, т. 3, с. 721, № 8989].

влиянием переводов китайских кодексов на английский язык, в которых они передаются как: «Periods of Responsibility for the Consequences of a Wound» [19, с. 327]; «Period of Responsibility for Crimes» [Bao gu xianqi] [20, Article 326]¹⁷. Однако при всём уважении к англоязычной научной литературе, мы полагаем, что ответ на вопрос о смысле собственно китайских понятий следует искать, прежде всего, в трудах носителей китайского языка. В частности, если вернуться к примеру необоснованной формы перевода слова *сянь* в выражении *гу сянь*, то

¹⁷ К сожалению, мы не можем привести интерпретацию понятия *бао гу* в английском переводе танского кодекса, выполненном американским синологом У. Джонсоном, и вышедшем из печати в 1997 г., так как в настоящее время нам недоступна его работа. Однако мы полагаем, что она не слишком отличается от версии В.М. Рыбакова. Если бы это было иначе, то последний непременно обратил бы внимание на данное обстоятельство, поскольку он в своём собственном не слишком обширном комментарии обычно фиксирует все нюансы, отличающие интерпретации его и У. Джонсона.

Что касается перевода названия минской статьи *Бао гу сяньци* (*Bao gu xianqi*), фигурирующей в настоящем примечании, то о его авторе и предложенном им варианте мы считаем необходимым сделать одно небольшое замечание. Судя по фамилии, Цзян Юнлинь является этническим китайцем, однако китаеведное образование получил в США, что следует из его посвящения своей работы родителям и учителям Е. Фармеру, А. Вальтер и Р. Тейлору. Во время выхода её в свет он был ассистент-профессором провинциального университета штата Оклахома.

Так вот, в поисках корректного варианта перевода выражения *бао гу* и *бао гу сянь/сяньци* ему не мешало бы заглянуть хотя бы в словарь Метьюса, опубликованный в 1931 г., издатель: China Inland Mission and Presbyterian Mission Press (перепечатки выходили 1943, 1944 и 1952 гг., их выпускало издательство Harvard University Press, Кембридж). В нём о *бао гу сянь* сказано: «保辜限 a time-limit, fixed by the magistrate, during which a badly wounded person is handed over to the family of the person who is charged with injury; if the wounded person dies within that time-limit, the accused is held responsible for the death» [15, с. 685], не говоря уже о *Фалюй да цышу*. Из последнего словаря он узнал бы, что ответственность, в том числе юридическая, по-китайски обозначается словом *цзэжэнь* 責任 и переводится на английский как *responsibility* (см. [11, т. 1, с. 1356, ст. *Цзэжэнь*]).

Кстати, слова *цзэжэнь* вообще нет в минском кодексе, так же как нет его и в танском. Нам трудно судить, откуда его взял в своём переводе сэр Дж.Т. Стаунтон, «родоначальник» интерпретации *бао гу* как «ответственность», но для полноты картины и справедливости ради добавим, что его младший современник французский миссионер Ги Буле, в конце XIX в. переведший цинский кодекс на французский, понимал *бао гу* как «излечение раны», а *бао гу сяньци* — как «излечение раны в определённый/установленный срок» (*Guérison d'une blessure dans un temps déterminé*) (см. [18, с. 590]).

можно указать, что китайские лексикографы отвели последнему в одном из самых фундаментальных словарей, хотя и краткую, но чрезвычайно чёткую отдельную статью. «*Гу сянь*, — говорится в ней, — установление уголовных законов прежних эпох. Во всех случаях избиения человека до причинения телесных повреждений, власти устанавливали/назначали срок (*ли сянь*) и требовали чтобы ответчик лечил получившего телесные повреждения/ранения — этот срок назывался „*гу сянь*“» [6, т. 11, с. 481, кавычки внутри цитаты воспроизведены по оригиналу]. Из приведённого текста совершенно ясно, что *гу сянь* означает «срок лечения пострадавшего». Очевидно, что *гу сянь* употреблено здесь не в прямом смысле этих слов «срок (и)» и «преступление», а является сокращённым написанием, например, упомянутых ранее словарных статей *Бао гу сянь*. Представляется, что в случае их сокращения можно было бы ожидать появления выражения *бао сянь* — дословно: «срок лечения», но такого варианта мы не обнаружили ни в одном из авторитетных китайских словарей, ни, что более важно, в рассматриваемых нами кодексах. Что же касается значения «срок лечения [пострадавшего]», сообщаемого в *Хань-юй да цыдянь*, то, как увидит читатель, оно бесспорно вытекает из контекста статьи *Бао гу сяньци* минского кодекса, перевод которой помещён ниже.

В-третьих, из изложенного явствует несостоятельность перевода *бао гу* как «сохранение ответственности [за последствия]». Более того приведённая формулировка, с добавлением конкретных сроков её действия (10, 20 и т.д. дней), подразумевает мысль, что по их истечении преступник освобождался от уголовного преследования независимо от тяжести совершённого им деяния. Однако такое понимание источника равнозначно признанию существования и применения китайским законодательством «института давности», не свойственного традиционному праву этой страны.

И последнее. Поскольку танская статья не позволяет установить смысловое значение понятия *бао гу* и уяснить взаимозависимость между его составляющими, попробуем отыскать ответы на эти вопросы в минском кодексе. При этом мы поступим точно так же как и в предыдущем случае: приведём перевод аналогичного закона и сопровождающий его комментарий. Ибо, с нашей точки зрения, всегда более убедительным является текст первоисточника, чем его изложение исследователями.

Да Мин луй цзи цзе фу ли

Статья: «Сроки лечения [пострадавших в результате] преступления.

Во всех случаях [когда следует] лечить (*бао* 保) [пострадавших в результате] преступления (*гу* 辜), требовать, чтобы преступники лечили [их].

В течение срока лечения (*зу сянь* 辜限) всегда необходимо [наступление] летального исхода из-за телесных повреждений, чтобы рассматривать это как убийство человека в драке или при избиении.

Имеется в виду, что при избиении, а также причинении телесных повреждений в каждом случае [следует принимать решение] в зависимости от срока лечения [пострадавшего в результате] преступления. Однако, получивший телесные повреждения человек всегда должен [скончаться] из-за побоев, и только тогда (*най* 乃) [изложенный выше подход будет] оправданным (*ши* 是)¹⁸. Если избив человека, причинят травму [его] голове, а простуда (*фэн* 風) через рану на голове проникнет внутрь [организма и] из-за простуды наступит летальный исход, [а также за другие случаи подобного] рода, [следует] присуждать наказание как за убийство человека в драке или при избиении¹⁹.

Что касается смерти вследствие иных причин после срока, [установленного] для лечения (*зу сянь вай* 辜限外, буквально: «вне срока». — *Н.С.*), а также пусть даже и в течение срока (*зу сянь нэй* 辜限内), [когда] телесные повреждения уже зажили, что со всей очевидностью подтверждено письменным документом властей, то в каждом случае следовать основному закону (*бэнь фа* 本法) о причинении телесных повреждений избиением²⁰.

Имеется в виду, что избив человека, причинили повреждения [его] голове [и пострадавший] скончался не из-за [того, что] рана на голове привела к простуде (*дэ фэн* 得風), а из-за другой болезни, это является иной причиной, и в каждом таком случае [виновного следует] приговаривать к наказанию в соответствии с основным [законом о] причинении телесных повреждений избиением.

¹⁸ Здесь имеется в виду положение законодательной статьи о квалификации летального исхода в период лечения от полученных телесных повреждений как убийства в драке.

¹⁹ Данный, и все другие пассажи, находящиеся ниже и напечатанные более мелким шрифтом, принадлежат кисти авторов кодекса. По этому формальному признаку в «Сводном комментарии», следующем после каждой законодательной статьи, они в случае упоминания именуется «комментарием малыми иероглифами», хотя по сути их правильнее было бы называть «официальным комментарием». Об этом свидетельствуют не только их авторство, но и включение в качестве интегральной части непосредственно в законодательные статьи.

²⁰ Под «основным законом причинения телесных повреждений» здесь и далее имеется в виду первая статья главы 20 «Драки и избиения» (*Доу оу* 鬪毆). В ней приводятся примеры нанесения ущерба здоровью другого человека в результате взаимных драк или умышленного избиения и полагающиеся за них виды и меры наказаний.

Если переломы и более тяжкие телесные повреждения в течение срока [установленного для] лечения (辜内 *гу нэй*)²¹ заживут, то в каждом случае [виновному] облегчать [наказание на] две степени²².

[В случае] смерти ребёнка [в результате] выкидыша не облегчать.

[Если] в течение срока, [установленного для] лечения, [телесные повреждения] пусть даже будут залечены, но [избитый] превратится в увечного или калеку²³, а также в день окончания срока, [установленного для] лечения, [раны] не затянутся, [на избивших] в каждом случае в соответствии с законом налагать полное наказание.

²¹ Из контекста настоящей статьи понятно, что *гу* здесь является усечённой формой выражения *гу сянь*. Однако в комментариях как к этой, так и предыдущей статье «Драки и избиения», где *гу* впервые появляется в таком качестве (см. [1, т. 9, гл. 20, с. 16]), нет пояснений его значения. Впрочем, при работе над *Да Мин люй цзи цзе фу ли* нам неоднократно приходилось сталкиваться с подобной ситуацией. В этом памятнике нередко встречаются различные сокращения, например, названий государственных органов и чиновничьих должностей, юридических терминов и др., не зафиксированные в словарях и никак не поясняемые составителями этого, одного из самых полных, если не самого полного издания минского кодекса.

Для полноты картины следует добавить, что *гу* в качестве сокращения *гу сянь* никогда не выступает отдельно само по себе, а даётся только в оборотах *гу нэй* и *гу вай*, соответственно «в течение» и «вне/после» *гу*, т.е. срока лечения.

²² Приговоры за причинение телесных повреждений выносились на основе системы *у син* 五刑 («пять [видов] наказаний»). Так именовалась исторически сложившаяся группа основных и наиболее распространённых кар. В минское время в неё входили: порка тонкими батогами, порка толстыми батогами, высылка с принудительными работами на срок от одного до трёх лет, пожизненная ссылка на расстояние от 1000 до 3000 *ли* (*ли* 里 в минскую эпоху равнялся 570,6 м) от родины и две разновидности смертной казни: обезглавливание и удушение. Для более точного соответствия между совершённым преступлением и возмездием за него первые четыре вида карательных мер делились на степени. В обоих видах порки и высылки их было пять, а в ссылке — три. Именно об уменьшении этих степеней и идёт речь в рассматриваемой статье.

²³ В минском законодательстве выделялись две группы инвалидов: *фэй-цзи* и *дуцзи*. К первым относились слепые на один глаз, не имевшие либо не владевшие одной конечностью и т.д., ко вторым — слепые на оба глаза, лишившиеся либо не владевшие двумя конечностями и т.д. (см. [1, т. 2, гл. 1, с. 55a]). Чтобы не использовать слишком современных определений — «инвалид 1-ой группы» и «инвалид 2-ой группы», мы условно переводим *фэй-цзи* словом «увечный», а *дуцзи* — «калека», хотя в русском языке «увечный» и «калека» имеют одинаковое значение (см. [14, т. 2, с. 24]).

При причинении человеку телесных повреждений [путём] избиения руками, ногами, а также посторонними предметами, срок [для лечения составляет] 20 дней.

При причинении человеку телесных повреждений [металлическим] остриём или лезвием, а также кипятком или огнём, срок [для лечения равняется] 30 дням.

При переломах конечностей, а также повреждении кости или выкидыше, безразлично [совершены они] руками, ногами или посторонними предметами всегда срок [лечения равняется] 50 дням.

Сводный комментарий (*Цзуань чжу*)²⁴

Бао — это *ян* (лечить), *гу* — это *цзуй* (преступление).

Всякий раз когда человеку причинены телесные повреждения, власти в зависимости от характера этих телесных повреждений устанавливают срок и требуют лечить избитого, дождавшись дня окончания [назначенного] срока, определяют [тяжесть] преступления (*дин цзуй* 定罪), поэтому говорится *бао гу* — „лечение [пострадавшего в результате] преступления“. Только при нанесении телесных повреждений по неосторожности не требуют лечить [пострадавшего в результате] преступления.

Всякий раз когда человек в течение срока лечения умрёт, всегда необходимо чтобы это [случилось] из-за телесных повреждений, в своё время причиненных побоями, — независимо от того были ли они нанесены руками, ногами, посторонними предметами, металлическим остриём или лезвием, кипятком или огнём, — и только тогда [избившего] судят за убийство в драке.

Что касается [наступления смерти] после срока лечения (*гу сянь чжи вай* 辜限之外), а также даже и в срок, если первоначальные телесные повреждения уже зажили, что со всей очевидностью [подтверждено] письменным документом властей, и [дело] не дошло [до вынесения] окончательного решения, а избитый человек восстановил своё здоровье и скончался из-за другой болезни, то это означает иную причину [смерти], поэтому в каждом случае выносят приговор согласно основному закону о причинении телесных повреждений [путём] избиения, и нельзя (букв.: «трудно». — *Н.С.*) наказывать удушением.

²⁴ Этот комментарий получил такое название, по-видимому, потому, что в него были включены пояснения не только составителей-издателей *Да Мин люй цзи цзе фу ли*, но и иных учёных-сановников, выпустивших другие, более ранние публикации минских законов.

Тем, кто изобьёт человека до переломов и более тяжких [увечий], если в срок для лечения болезнь [будет] вылечена, [ответчику] во всех случаях облегчают наказание за в своё время причинённые переломы на две степени, лишь при смерти ребёнка [в результате] выкидыша не облегчают. Здесь говорится только о переломах и более тяжких [увечьях] и не говорится о телесных повреждениях. В таком случае [если] последние заживут, то [ответчикам] также следует облегчать [наказания].

Если в течение срока, [установленного для] лечения, телесные повреждения хотя и заживут, [но пострадавший] станет увечным или калекой, а также если по истечении срока, [отведённого на] лечение, телесные повреждения не заживут, в каждом случае налагают полное наказание в соответствии с основным законом о переломах и телесных повреждениях.

Так каковы же сроки лечения [пострадавших вследствие] преступления (*бао гу чжи сянь* 保辜之限²⁵)?

Всякий раз, когда человеку причинят телесные повреждения руками, ногами, а также посторонними предметами, [устанавливается] срок в 20 дней, [в который они должны быть] вылечены.

Для телесных повреждений [металлическим] остриём или лезвием, а также кипятком или огнём срок 30 дней, [за который они должны быть] вылечены.

Для переломов конечностей и туловища, а также повреждения костей и выкидыша, — безразлично причинённых руками, ногами или посторонними предметами, срок всегда 50 дней, [в течение которого они должны быть] вылечены» [1, т. 9, с. 6а–8а].

Итак, приведённые материалы минского кодекса, с нашей точки зрения, обладают двумя несомненными достоинствами. Истолкование знаков *бао* и *гу* в «Сводном комментарии» даёт возможность установить их смысловое содержание, а контекст законодательной статьи вместе с ним позволяют уяснить их взаимосвязь, и в итоге прийти к заключению, что единственно правильными интерпретацией и переводом на русский язык понятия *бао гу* будут «лечение

²⁵ Выражение *бао гу чжи сянь* полностью тождественно упоминавшейся выше словарной статье *Бао гу сянь* и отличается от неё лишь грамматическим оформлением. Различие между ними заключается в присутствии в первом служебного слова *чжи*, которое отделяет определение *бао гу* от определяемого *сянь* (срок) и показывает, что речь идёт о самостоятельных словах. Мы возвращаемся к ранее рассмотренному вопросу лишь для того, чтобы читатель воочию убедился в абсурдности толкования *бао гу сянь/баогусянь* как одного слова и более того — как юридического термина.

[пострадавшего в результате] преступления», «лечение [жертв] преступления» и т.п.

Точно в таком же смысле сочетание *бао гу* употреблялось и в приведённой выше статье танского кодекса, бывшего одним из источников минского права. Об этом со всей очевидностью свидетельствует историческая справка, предваряющая упомянутую статью в специальном юридическом словаре *Фалюй да цы шу*. В ней говорится: «*Бао гу* означает: при избиении человека не до смерти, соответствующие власти устанавливали срок (*ли сянь*), чтобы опекать его (*и бао чжи* 以保之), и требовали от преступника пригласить врача для осмотра и лечения [избитого]. Дождавшись дня окончания [этого] срока (*сянь*), основываясь на характере (букв.: «факте» *цин* 情. — Н.С.) телесных повреждений, [причинённых] пострадавшему, выносили решение о наказании, [которым] должен был быть наказан преступник» [11, т. 1, с. 853, ст. *Бао гу*].

Сопоставление минской статьи с соответствующим законом танского кодекса показывает, что она подверглась значительной переработке и расширению.

Прежде всего, к её названию был добавлен бином *сяньци* («срок/сроки»), в результате чего в новом заглавии получило отражение слово, игравшее ключевую роль при принятии судом решения о назначении наказания учинившему избиение, а само оно приобрело законченную смысловую форму.

Если же обратиться к изменениям, внесённым в саму статью, то внимательное ознакомление с ними приводит к выводу, что её следует относить к отрасли не уголовного, а уголовно-процессуального права. И хотя нормы последнего не прописаны в ней чётко и прямо (в императивной форме), они отчётливо проступают сквозь её текстуальную ткань и складываются в достаточно полную картину.

Заключение властей, что телесные травмы, полученные во время драки или избиения, нуждаются во врачебном вмешательстве, требование, чтобы избивший обеспечил пострадавшему медицинскую помощь, установление определённого срока лечения, по-видимому, на основе визуального осмотра и опроса очевидцев произошедшего, всё это вполне сопоставимо с современным возбуждением уголовного дела и проведением первоначальных следственных действий. Одновременно на виновного налагалось предварительное наказание, не встречающееся в других статьях, в виде материальных затрат на оплату услуг врача и стоимости необходимых лекарств, а также, возможно, продовольственного содержания больного и ухода за ним.

Следующая процессуальная стадия заключалась в проведении собственно лечения. Оно было необходимо властям для получения

объективных и надёжных сведений о характере последствий и степени вреда нанесённого здоровью пострадавшего в результате драки или избиения. Затем происходила передача дела в суд с тем, чтобы тот на основе собранных данных вынес беспристрастное и справедливое решение о виде и мере наказания, полагающегося за совершённое конкретное деяние.

Чрезвычайно интересным и значимым добавлением к минской статье *Бао гу сяньци* является внесение в неё: 1. положения о необходимости «следовать основному закону о причинении телесных повреждений избиением» в случаях вынесения смертных приговоров в связи с кончиной потерпевшего в период или после окончания срока лечения, превращения избитого в инвалида или усугубления его хронических заболеваний; и 2. предписания о смягчении следующего наказания на две степени при полном выздоровлении пострадавшего. В результате такой увязки рассматриваемой статьи со статьёй «Драки и избиения» становились понятными (не только «посвящённым») её юридическое предназначение и механизм принятия решений о применении тех или иных конкретных пенитенциарных мер за преступления против здоровья другого человека.

Существенные изменения минской статьи по сравнению с её танским аналогом, с нашей точки зрения, были обусловлены двумя обстоятельствами. Во-первых, на создателей минского кодекса, несомненно, оказывали влияние требования основателя династии Чжу Юань-чжана (1328–1398, на троне 1368–1398) писать законы точным и ясным языком, чтобы каждый человек легко понимал их (см. например, [16, ч. 1, с. 15, 16]). Во-вторых, развитие китайской правовой мысли заметное даже на протяжении 30-летнего периода составления минского кодекса (1367–1397; оно было начато ещё до провозглашения империи), сделавшее его наиболее чётко систематизированным, внутренне согласованным и непротиворечивым из всех законодательных сборников до-республиканского Китая.

Литература

Источники

1. Да Мин люй цзи цзе фу ли (Законы Великой [династии] Мин с приложением постановлений). Т. 9. [Б.м.], 1908.
2. Да Цин люй ли хуэйцзи бянь лань (Собрание законов и постановлений Великой [династии] Цин с комментарием понятным языком). Т. 2. [Б.м.], 1878.
3. *Се Юнь-шэн*. Тан Мин люй хэ бянь (Совместное [издание] законов [династий] Тан и Мин). Т. 6. [Б.м.], 1965.
4. Тан люй шу и (Законы [династии] Тан с комментарием, изложенным по пунктам). Т. 3. Шанхай, 1939.

Словари

5. Хань-юй да цзыдянь (Большой словарь китайских иероглифов). Т. 1–8. Чэнду, 1986–1990.
6. Хань-юй да цыдянь (Большой словарь слов китайского языка). Т. 1–12. Шанхай, 1986–1992.
7. Цы хай (Море слов). Т. 1–2. [Б.м.], 1940.
8. Цы хай (Море слов). Т. 1–3. Шанхай, 1979.
9. Цы юань (Источник слов). [Б.м.], 1947.
10. Цы юань (Источник слов). Т. 1–3. Пекин, 1979–1983.
11. *Чжэн Цзин-и*. Фалюй да цышу (Большой юридический словарь). Т. 1–3. Тайбэй, 1972.
12. Большой китайско-русский словарь. Т. 1–4. М., 1983–1984.
13. Китайско-русский словарь (под ред. И.М. Ошанина). Т. 1–3. М., 1983–1984.
14. Словарь русского языка (под ред. А.П. Евгеньевой). Т. I–IV. М., 1981–1984.
15. *Mathew's*. Chinese-English Dictionary. Cambridge (Mass.), 1952.

Переводы

16. Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (*Да Мин люй цзи цзе фу ли*). Ч. I. Перевод с китайского, исследование, примечания и приложения Н.П. Свистуновой. М., 1997.
17. Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шу и»). Перевод и комментарий В.М. Рыбакова. Цзюани 17–25. СПб., 2005.
18. *Manuel du Code Chinois* par le P. Guy Boulais. Chang-hai, 1924.
19. Ta Tsing Leu Lee. Translated by G. Staunton. Taipei, 1966.
20. *The Great Ming Code / Da Ming lü*. Translated and Introduced by Jiang Yonglin. Seattle and London, 2004.

*N.P. Svistunova**

Concept 保辜 *bao gu* in the Chinese traditional law codes

ABSTRACT: The article deals with one of the key concepts of traditional Chinese law, which played a significant role in the process of establishing guilt and determining the severity of the punishment for the crime committed. The author shows its real content based on linguistic and legal analysis. The article contains also the translations of original Chinese sources.

KEYWORDS: law, code, crime, punishment, Tang dynasty, Ming dynasty, Qing dynasty.

* Svistunova Natalya Pavlovna, Cand. of Hist. Sc., China Department, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).